

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 41**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 41 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 184 с.

ISBN 978-5-458-04690-9

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04690-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Что такое искусство?

(Окончаніе).

VI.

Но какъ же могло случиться, что то самое искусство, которое въ древности или только допускалось, или вовсе отрицалось, стало въ наше время считаться дѣломъ всегда хорошимъ, если только оно доставляетъ удовольствіе?

Случилось это по слѣдующимъ причинамъ.

Оцѣнка достоинства искусства, т.-е. чувствъ, которыя оно передаетъ, зависитъ отъ пониманія людьми смысла жизни, отъ того, въ чемъ они видятъ благо и въ чемъ зло жизни. Опредѣляется же благо и зло жизни тѣмъ, что называютъ религіями.

Человѣчество не переставая движется отъ низшаго, болѣе частнаго и менѣе яснаго къ высшему, болѣе общему и болѣе ясному пониманію жизни. И какъ въ всякомъ движеніи, и въ этомъ движеніи есть передовые: есть люди, яснѣе другихъ понимающіе смыслъ жизни, и изъ всѣхъ этихъ передовыхъ людей всегда одинъ болѣе ярко, доступно, сильно—словомъ и жизнью — выразившій этотъ смыслъ жизни. Религіи суть указатели того высшаго, доступнаго въ данное время и въ данномъ обществѣ лучшимъ передовымъ людямъ, пониманія жизни, къ которому неизбѣжно и неизмѣнно приближаются всѣ остальные люди этого общества. И потому только религіи всегда служили и служатъ основаніемъ оцѣнки чувствъ людей.

Если чувства приближают людей къ тому идеалу, который указываетъ религія, согласны съ нимъ, не противорѣчатъ ему,—они хороши; если удаляютъ отъ него, не согласны съ нимъ, противорѣчатъ ему,—они дурны.

Если религія полагаетъ смыслъ жизни въ почитаніи еди-наго Бога и въ исполненіи того, что считается Его волей, то чувства, вытекающія изъ любви къ этому Богу и Его закону, передаваемая искусствомъ,—священная поэзія пророковъ, псалмовъ, повѣствованіе книги Бытія,—хорошее, высокое искусство. Все же, что противно этому, какъ передача чувствъ обожанія чуждыхъ боговъ и чувствъ, несогласныхъ съ закономъ Бога, будетъ считаться дурнымъ искусствомъ. Если же религія полагаетъ смыслъ жизни въ земномъ счастьѣ, въ красотѣ и силѣ, то передаваемая искусствомъ радость и бодрость жизни будетъ считаться хорошимъ искусствомъ; искусство же, передающее чувства изнѣженности или уны-нія, будетъ дурнымъ искусствомъ, какъ это было признано у грековъ. Если смыслъ жизни въ благѣ своего народа или въ продолженіи той жизни, которую вели предки, и въ уваженіи къ нимъ, то искусство, передающее чувство радости. жертвы личнымъ благомъ для блага народа или для возвеличенія предковъ и поддержанія ихъ преданій, будетъ считаться хорошимъ искусствомъ; искусство же, выражающее чувства, противныя этому,—дурнымъ, какъ это было признано у римлянъ, у китайцевъ. Если смыслъ жизни въ освобожденіи себя отъ узъ животности, то искусство, передающее чувства, возвышающія душу и унижающія плоть, будетъ добрымъ искусствомъ, какъ это считается у буддистовъ, и все то, что передаетъ чувства, усиливающія страсти тѣла, будетъ дурнымъ искусствомъ.

Всегда, во всякое время и во всякомъ человѣческомъ обществѣ, есть общее всѣмъ людямъ этого общества религіозное сознаніе того, что хорошо и что дурно, и это-то религіозное сознаніе и опредѣляетъ достоинство чувствъ, передаваемыхъ искусствомъ. И потому у всѣхъ народовъ всегда искусство, передававшее чувства, вытекающія изъ

общаго людямъ этого народа религіознаго сознанія, признавалось хорошимъ и поощрялось; искусство же, передававшее чувства, несогласныя съ этимъ религіознымъ сознаніемъ, признавалось дурнымъ и отрицалось; все же остальное огромное поле искусства, посредствомъ котораго люди общались между собою, не оцѣнивалось вовсе и отрицалось только тогда, когда оно было противно религіозному сознанію своего времени. Такъ это было у всѣхъ народовъ: у грековъ, у евреевъ, у индусовъ, египтянъ, китайцевъ; такъ это было и при появленіи христіанства.

Христіанство первыхъ временъ признавало хорошими произведеніями искусства только легенды, житія, проповѣди, молитвы, пѣснопѣнія, вызывавшія въ людяхъ чувства любви ко Христу, умиленіе передъ Его жизнью, желаніе слѣдовать Его примѣру, отрѣшеніе отъ мірской жизни, смиреніе и любовь къ людямъ; всѣ же произведенія, передававшія чувства личныхъ наслажденій, оно считало дурнымъ, и потому отвергало все языческое пластическое искусство, допуская пластическія изображенія только символическія.

Средневѣковое католическое христіанство не признавало основныхъ и существенныхъ положеній истиннаго христіанства и сущностью своего ученія поставило вѣру въ католическую церковь и постановленія ея.

Хотя это ученіе во многомъ было чуждо истинному христіанству, оно все-таки для варваровъ, принявшихъ его, было ученіемъ болѣе высокимъ, чѣмъ ихъ прежнія почитанія боговъ, героевъ, добрыхъ и злыхъ духовъ. И потому ученіе это было религіей для тѣхъ варваровъ, которые приняли его. И вотъ на основаніи этой-то религіи распѣнивалось и искусство того времени.

Искусство это было также настоящимъ искусствомъ, потому что соотвѣтствовало религіозному міровоззрѣнію народа, среди котораго оно возникло.

Художники среднихъ вѣковъ, живя той же основой

чувствъ, религіей, какъ и массы народа, передавая испытываемыя ими чувства и настроенія въ архитектурѣ, скульптурѣ, живописи, музыкѣ, поэзіи, драмѣ, были истинными художниками, и дѣятельность ихъ, основываясь на высшемъ, доступномъ тому времени и раздѣляемомъ всѣмъ народомъ пониманіи, была хотя и низкимъ для нашего времени, но все-таки истиннымъ и общимъ всему народу искусствомъ.

И такъ это было до того времени, пока не явилось въ высшихъ, богатыхъ, болѣе образованныхъ сословіяхъ европейскаго общества сомнѣніе въ истинности того пониманія жизни, которое выражалось католицизмомъ. Когда же послѣ Крестовыхъ походовъ, высшаго развитія папской власти и злоупотребленій ею, послѣ ознакомленія съ мудростью древнихъ, люди богатыхъ классовъ, съ одной стороны, увидели разумную ясность ученія древнихъ мудрецовъ, — съ другой стороны, увидели несоотвѣтствіе господствующаго ученія съ ученіемъ Христа, люди этихъ высшихъ богатыхъ классовъ потеряли возможность вѣрить, какъ прежде, въ католическое ученіе.

Если они по внѣшности и держались все-таки формъ католическаго ученія, они уже не могли вѣрить въ него и держались его только по инерціи и ради народа, который продолжалъ слѣпо вѣрить въ это ученіе и который люди высшихъ классовъ для своей выгоды считали необходимымъ поддерживать въ этихъ вѣрованіяхъ. Такъ что церковное католическое ученіе въ извѣстное время перестало быть общимъ религіознымъ ученіемъ всего народа: одни, — высшія сословія, тѣ самыя, въ рукахъ которыхъ была власть, богатство и потому досугъ и средства производить и поощрять искусство, — перестали вѣрить въ религіозное ученіе своей церкви, народъ же продолжалъ слѣпо вѣрить въ него.

Высшія сословія среднихъ вѣковъ по отношенію къ религіи очутились въ томъ же положеніи, въ которомъ находились образованные римляне передъ появленіемъ христіанства, т.е. не вѣрили болѣе въ то, во что вѣрилъ на-

родъ; сами же не имѣли никакого вѣрованія, которое могли бы поставить на мѣсто отжившаго и потерявшаго для нихъ значеніе языческаго ученія.

И встѣ среди этихъ - то людей стало вырастать искусство, расщѣпываемое уже не по тому, насколько оно выражаетъ чувства, вытекающія изъ религіознаго сознанія людей, а только по тому, насколько оно красиво; другими словами—на сколько оно доставляетъ наслажденіе.

Не будучи болѣе въ состояніи вѣрить въ католическую религію, обличавшую свою ложь, и не будучи въ состояніи принять истинное христіанское ученіе, отрицавшее всю ихъ жизнь, богатые и властвующіе люди эти, оставшись безъ всякаго религіознаго пониманія жизни, невольно вернулись къ тому языческому міровоззрѣнію, которое полагаетъ смыслъ жизни въ наслажденіи личности. И совершилось въ высшихъ классахъ то, что называется „возрожденіемъ наукъ и искусствъ“ и что въ сущности есть не что иное, какъ не только отрицаніе всякой религіи, но и признаніе ненужности ея.

Католическое вѣроученіе есть такая связанная система, которую нельзя измѣнять и исправлять, не разрушая всего. Какъ только возникло сомнѣніе въ непогрѣшимости папъ, — а это сомнѣніе возникло тогда у всѣхъ образованныхъ людей, — такъ неизбѣжно возникло сомнѣніе и въ истинности католическаго преданія. А сомнѣніе въ истинности преданія разрушало не только папство и католичество, но и уничтожало авторитетъ писанія, потому что писаніе признавалось священнымъ потому, что такъ учило преданіе.

Такъ что большинство людей высшихъ классовъ того времени, даже папы и духовныя лица, въ сущности не вѣрили ни во что. Въ церковное ученіе люди эти не вѣрили потому, что видѣли его несостоятельность; признать же нравственное, общественное ученіе Христа, какъ его признавалъ Францискъ Ассизскій, Хельчицкій и нѣкоторые другіе, они не могли, потому что такое ученіе разрушало ихъ общественное положеніе. И люди эти оста-

лись безъ всякаго религіознаго міровоззрѣнія. А не имѣя религіознаго міровоззрѣнія, люди эти не могли имѣть никакого другого мѣрила расцѣнки хорошаго и дурного искусства, кромѣ личнаго наслажденія. Признавъ же мѣриломъ добра наслажденіе, т.-е. красоту, люди высшихъ классовъ европейскаго общества вернулись въ своемъ пониманіи искусства къ грубому пониманію первобытныхъ грековъ, которое осудилъ уже Платонъ. И соотвѣтственно этому пониманію среди нихъ и составила теорія искусства.

VII.

Соотвѣтственно этому взгляду на искусство составила сама собою среди высшихъ классовъ и эстетическая теорія, оправдывающая такое пониманіе,—теорія, по которой цѣль искусства состоитъ въ проявленіи красоты. Послѣдователи эстетической теоріи, въ подтвержденіе истинности ея, утверждаютъ то, что теорія эта изобрѣтена не ими, что теорія эта лежитъ въ сущности вещей и признавалась еще древними греками. Но утвержденіе это совершенно произвольно и не имѣетъ никакого другого основанія, кромѣ того, что у древнихъ грековъ по низкой степени, сравнительно съ христіанскимъ, ихъ нравственнаго идеала, понятіе добра (τὸ ἀγαθόν) не было еще рѣзко отличено отъ понятія красиваго (τὸ καλόν).

Высшее совершенство добра, не только не совпадающее съ красотой, но большею частью противоположное ей, которое знали евреи еще во времена Исаи и которое выражено вполнѣ христіанствомъ, было неизвѣстно вообще грекамъ; они полагали, что прекрасное непременно должно быть и доброе. Правда, передовые мыслители: Сократъ, Платонъ, Аристотель—чувствовали, что добро можетъ не совпадать съ красотой. Сократъ прямо подчинялъ красоту добру; Платонъ, чтобы соединить оба понятія, говорилъ о духовной красотѣ; Аристотель требовалъ отъ искусства нравственнаго воздѣйствія на людей (κάθαρσις), но все-таки

даже и эти мыслители не могли вполне отрѣшиться отъ представленія о томъ, что красота и добро совпадаютъ.

И потому и въ языкѣ того времени стало употребляться составное слово *καλοκαγαθία* (красота-добро), означающее это соединеніе.

Греческіе мыслители, очевидно, начинали приближаться къ тому понятію добра, которое выражено христіанствомъ, и путались въ установленіи отношеній добра и красоты. Сужденія Платона о красотѣ и добрѣ исполнены противорѣчій. Эту-то самую путаницу понятій и старались люди европейскаго міра, потерявшіе всякую вѣру, возвести въ законъ и доказать, что это соединеніе красоты съ добромъ лежитъ въ самой сущности дѣла, что красота и добро должны совпадать, что слово и понятіе *καλοκαγαθία*, имѣющее смыслъ для грека, но не имѣющее никакого смысла для христіанина, составляетъ высшій идеаль человѣчества. На этомъ недоразумѣніи была построена новая наука—эстетика. А чтобы оправдать эту новую науку, ученіе древнихъ объ искусствѣ было такъ перетолковано, чтобы казалось, что эта выдуманная наука—эстетика—существовала и у грековъ.

Въ сущности же разсужденія древнихъ объ искусствѣ совсѣмъ не похожи на наши. Такъ, Bénard въ своей книгѣ объ эстетикѣ Аристотеля совершенно вѣрно говоритъ: „Pour qui veut y regarder de près, la théorie du beau et celle de l'art sont tout-à-fait séparés dans Aristote, comme elles le sont dans Platon et chez leurs successeurs“ *).

И дѣйствительно, разсужденія древнихъ объ искусствѣ не только не подтверждаютъ нашу эстетику, но скорѣе отрицаютъ ея ученіе о красотѣ. А между тѣмъ во всѣхъ эстетикахъ, начиная отъ Шаслера до Найта (Knight), утверждаетъ, что наука о прекрасномъ—эстетика—начата еще древними: Сократомъ, Платономъ, Аристотелемъ, и продолжалась будто бы отчасти и у эпикурейцевъ и стоиковъ: у

*) Bénard. L'esthétique d'Aristote et de ses successeurs, Paris, 1889, p. 28.

Сенеки, Плутарха и до Плотина; но что по какому-то несчастному случаю наука эта будто бы вдруг исчезла въ IV вѣкѣ и въ продолженіе 1500 лѣтъ отсутствовала и возродилась только послѣ 1500-лѣтняго промежутка въ Германіи, въ 1750 году, въ ученіи Баумгартена *).

Послѣ Плотина, говорить Шаслеръ, проходить 15 столѣтій, во время которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго научнаго интереса къ міру красоты и искусства. Эти полторы тысячи лѣтъ, говорить онъ, пропали для эстетики и для разработки ученаго построенія этой науки.

Въ сущности же ничего подобнаго нѣтъ. Наука эстетики, наука о прекрасномъ, никогда не исчезала и не могла исчезнуть, потому что ея никогда не было; было только то, что греки, точно такъ же, какъ и всѣ люди, всегда и вездѣ считали искусство, какъ и всякое дѣло, хорошимъ только тогда, когда искусство это служило добру (какъ они понимали добро), и дурнымъ, когда оно было противно этому добру. Сами же греки были такъ мало нравственно развиты, что добро и красота имъ казались совпадающими, и на

*) «Die Lücke von fünf Jahrhunderten, welche zwischen die kunstphilosophischen Betrachtungen des Plato und Aristoteles und die des Plotins fällt, kann zwar auffällig erscheinen; dennoch kann man eigentlich nicht sagen, dass in diesser Zwischenzeit überhaupt von ästhetischen Dingen nicht die Rede gewesen, oder dass gar ein völliger Mangel an Zusammenhang zwischen den Kunstanschauungen des letztgenannten Philosophen und denen des ersteren existire. Freilich wurde die von Aristoteles begründete Wissenschaft in Nichts dadurch gefördert; immerhin aber zeigt sich in jener Zwischenzeit noch ein gewisses Interesse für ästhetische Fragen. Nach Plotin aber (die wenigen, ihm in der Zeit nahestehenden Philosophen, wie Longin, Augustin u. s. f. kommen, wie wir gesehen, kaum in Betracht, und schliessen sich übrigens in ihrer Anschauungsweise an ihn an), vergehen nicht fünf, sondern fünfzehn Jahrhunderte, in denen von irgend einem wissenschaftlichen Interesse für die Welt des Schönen und der Kunst nichts zu spüren ist.

«Diese anderthalbtausend Jahre, innerhalb deren der Weltgeist durch die mannigfachsten Kämpfe hindurch zu einer völlig neuen Gestaltung des Lebens sich durcharbeitete, sind für die Aesthetik, hinsichtlich des weiteren Ausbaus dieser Wissenschaft, verloren».

Kritische Geschichte der Aesthetik von Max Schassler. Berlin, 1872, стр. 253, § 25.

этомъ отсталомъ міровоззрѣніи грековъ построена наука эстетики, выдуманная людьми XVIII вѣка и специально обдѣланная въ теорію Баумгартеномъ. У грековъ (какъ въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто прочтетъ прекрасную книгу Bénard'a объ Аристотелѣ и его послѣдователяхъ и Walter'a о Платонѣ) никогда не было никакой науки эстетики.

Эстетическія теоріи и самое названіе этой науки возникли около 150 лѣтъ тому назадъ, среди богатыхъ классовъ христіанскаго европейскаго міра, одновременно у разныхъ народовъ: итальянцевъ, голландцевъ, французовъ, англичанъ. Основателемъ же, учредителемъ ея, приведшимъ ее въ научную, теоретическую форму, былъ Баумгартень.

Со свойственною нѣмцамъ внѣшней педантической обстоятельностью и симметричностью, онъ придумалъ и изложилъ эту удивительную теорію. И ничья теорія, несмотря на свою поразительную неосновательность, не пришлась такъ по вкусу культурной толпѣ и не принята была съ такой готовностью и такимъ отсутствіемъ критики. Теорія эта такъ пришлась по вкусу людямъ высшихъ классовъ, что до сихъ поръ, несмотря на свою совершенную произвольность и недоказанность своихъ положеній, повторяется и учеными, и неучеными, какъ что-то несомнѣнное и само собою разумѣющееся.

Habent sua fata libelli pro capite lectoris—и такъ же и еще больше *habent sua fata* отдѣльныя теоріи отъ того состоянія заблужденія, въ которомъ находится общество, среди и ради котораго придуманы эти теоріи. Если теорія оправдываетъ то ложное положеніе, въ которомъ находится извѣстная часть общества, то, какъ бы ни была неосновательна теорія и даже очевидно ложна, она воспринимается и становится вѣрою этой части общества. Такова, на примѣръ, знаменитая, ни на чемъ не основанная теорія Мальтуса о стремленіи населенія земного шара къ увеличенію въ геометрической, а средствъ пропитанія въ арифметической прогрессіи, и вслѣдствіе этого о перенаселеніи

земного шара; такова же выросшая на Мальтусѣ теорія борьбы за существованіе и подбора, какъ основанія прогресса человѣчества. Такова же теперь столь распространенная теорія Маркса о неизбѣжности экономическаго прогресса, состоящаго въ поглощеніи всѣхъ частныхъ производствъ капитализмомъ. Какъ ни безосновательны такого рода теоріи и какъ ни противны онѣ всему тому, что извѣстно человѣчеству и сознается имъ, какъ ни очевидно безнравственны онѣ, теоріи эти принимаются на вѣру безъ критики и проповѣдуются съ страстнымъ увлеченіемъ, иногда вѣками до тѣхъ поръ, пока не уничтожатся тѣ условія, которыя онѣ оправдываютъ, или не сдѣлается слишкомъ очевидной нелѣпость проповѣдуемыхъ теорій. Такова же и эта удивительная теорія баумгартеновской тріады, Добра, Красоты и Истины, по которой оказывается, что самое лучшее, что можетъ сдѣлать искусство народовъ, прожившихъ 1800-лѣтнюю христіанскую жизнь, состоитъ въ томъ, чтобы идеаломъ своей жизни избрать тотъ, который имѣлъ 2000 лѣтъ тому назадъ полудикій рабовладѣльческій народецъ, очень хорошо изображавшій наготу человѣческаго тѣла и строившій пріятныя на видъ зданія. Всѣ эти несообразности никѣмъ не замѣчаются. Ученые люди пишутъ длинные туманные трактаты о красотѣ, какъ одномъ изъ членовъ эстетической тріады: красоты, истины и добра. Das Schöne, das Wahre, das Gute—Le Beau, le Vrai, Le Bon—съ заглавными буквами повторяется и философами, и эстетиками, и художниками, и частными людьми, и романистами, и фельетонистами, и всѣмъ кажется, что, произнося эти сакраментальныя слова, они говорятъ о чемъ-то вполне опредѣленномъ и твердомъ,—такимъ, на чемъ можно основывать свои сужденія. Въ сущности же слова эти не только не имѣютъ никакого опредѣленнаго смысла, но мѣшаютъ тому, чтобы придать существующему искусству какой-нибудь опредѣленный смыслъ, и нужны только для того, чтобы оправдать то ложное значеніе, которое мы приписываемъ искусству, пе-